

Образы, созданные
С. Я. Лемешевым
в спектаклях
Большого театра

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЕВЕЦ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Образы, созданные
С. Я. Лемешевым
в спектаклях
Большого театра

Я очень люблю перечитывать тургеневских «Певцов». Как там изумительно рассказывается о пении, какой открыт широкий простор для фантазии читателя! Кажется, совсем немного нужно, чтобы внутренним слухом услышать звучание голосов этих крестьянских «мастерзингеров» прошлого столетия. Я всегда думаю о том, как бы Тургенев описал пение Лемешева. Потому что среди тургеневских певцов Лемешева не было. Лемешев всю свою жизнь пропел безыскусственно, без нажима, без старания, его серебристый голос драгоценного сплава лился сам собой, ничем не принуждаемый, вызывая одновременно чувство радости и грусти. Оба этих, казалось бы противоречивых, чувства гармонично сливаются и как бы дополняют друг друга.

Говоря о том, как исключительно природа одарила Лемешева, нельзя обойти молчанием и его неустанный труд, его мудрое, строгое и серьезное отношение к своему таланту.

Лемешев формировался как певец в ту пору, когда не было ни магнитофонов, ни чего-либо подобного. Он обладал способностью контролировать себя внутренним слухом, искать фразу, краски, декламационные контуры, увязывая это с логикой течения музыкальной мысли. Это все совсем не просто. Много работая с Лемешевым, я с волнением за ним следил и сам у него учился. Дело в том, что, если вы что-нибудь предлагали Лемешеву, казалось бы даже бесспорное, вы не слышали от него ни «да», ни «нет». На лице его всегда была озабоченность, он сам искал, сопоставляя это с тем, что вы ему предлагаете, и по большей части все повисало вопросительным знаком до следующего занятия. Так озабоченность его и не покидала в течение всего процесса работы над новым материалом. Восторженные отзывы товари-

щей нисколько на него не влияли. Поиск продолжался и после того, как прошла премьера. Если в спектакле был занят С. Лемешев, то он неизбежно являлся его центром. Своим отношением С. Лемешев заражал всех партнеров. К товарищам по работе С. Лемешев всегда относился благожелательно и уважительно, но вместе с тем и требовательно. Благоприятная творческая атмосфера создавалась сама собой.

Наблюдая за Лемешевым от спектакля к спектаклю, подмечая некоторые этические стороны его творческого облика. Тот же «Онегин». Окончился ларинский бал. Кульминация спектакля. Громадный успех. Бесконечные вызовы. Но вы на лице Лемешева не увидите ни улыбки, ни приветливого взгляда в зал. Он не отпустит ни одного колка своих предельно напряженных нервов. Только что он спел «Ах, Ольга, прощай навек!». Через несколько минут он будет петь «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?». И хотя несколько минут передышки, для Лемешева жизнь Ленского продолжается. Тут нет никакой игры, это — подлинное артистическое чувство.

Много «Травиат» мы с ним переиграли. И здесь у нас случались знаменитые гастролерши, но никому из них не удавалось занять в спектакле первое место, если только в нем участвовал Лемешев.

В 1955 году мы с ним сделали «Фра-Дьяволо» — оперу французского композитора Обера, в которой труднейшие арии и ансамбли сочетаются с острейшими комедийными положениями, требующими легкости и подвижности. Был яркий и интересный спектакль. Ушел Лемешев — и не с кем стало играть «Фра-Дьяволо». Много мы работали над «Вертером». И хотя, когда его играли, мы оба уже были немолды, музыка Массне нас горя-

чила, молодила и, как мне кажется, увлекла теми же чувствами зал.

Творческий портрет С. Я. Лемешева был бы неполным, если бы мы ничего не сказали о нем как о проникновенном исполнителе камерной музыки. Его концерты всегда были событием в музыкальной жизни, он пел романсы всегда классических авторов разных стилей и эпох, романсы и песни современных авторов (немало их написано специально для Лемешева либо в надежде вызвать его интерес к ним). Событием явился цикл концертов, в который вошли все романсы Чайковского, а их — страшно сказать — сто!

И, наконец, русские песни! Это просто что-то удивительное! Трудно описать те чувства, которые вызывает исполнение их Сергеем Лемешевым. Эмоциональное воздействие здесь не меньше, чем от пейзажей, картин великих русских художников. Невозможно себе представить звучание русских песен более яркое, более взволнованное, более хватающее за душу, чем в исполнении Лемешева.

Сергей Лемешев прожил большую, красивую артистическую жизнь. Для меня он до самых последних дней нисколько не постарел. Он так же взволнованно и озабоченно смотрел на сцену, так же заинтересованно следил за успехами артистов следующих поколений. Как и прежде, он оставался сдержанным в своих суждениях, как и прежде, к нему прислушивались в первую очередь. Сейчас мы часто слышим по радио его рассказы о пении и певцах. Рассказы эти интересны, потому что автор их рассказывает о том, что является основой всей его жизни.

Я видел его за день до смерти. Глаза были грустные, но оживление, интерес к жизни его не покидал. Таким он и останется в нашей памяти.

Борис ХАЙКИН.

П Е В Е Ц Л Ю Б В И

Когда я была принята в Большой театр и начала входить в репертуар, то очень во многих спектаклях моим партнером стал С. Я. Лемешев. В «Севильском цирюльнике» он пел Альмавиву, я — Розину, в «Риголетто» он — Герцога, я — Джильду, в «Травиате» он — Альфреда, я — Виолетту, в «Лакме» он — Джеральда, я — Лакме; пели мы вместе и «Снегурочку», и «Руслана и Людмилу». И эти спектакли для меня, начинающей певицы, не имевшей сценического опыта, стали настоящей актерской школой.

Какое это было счастье — петь с Сергеем Яковлевичем! Редкая на оперной сцене искренность и эмо-

циональность исполнения создавали ту особую, ни с чем не сравнимую атмосферу спектакля, которой нельзя было не поддаться, которой невозможно было не заразиться.

С. Я. Лемешев пел любовь и пел о любви. Но сколько оттенков, нюансов этой любви он передавал: это была и влюбленность, и страсть, и обожание. И я чувствовала, что в роли Герцога он смотрит на меня — Джильду совсем не так, как в «Севильском цирюльнике», а его Джеральд ничем не похож на Альфреда. И я понимала, почему Джильда не может противиться чарам Герцога, почему Розина отдает свое сердце незнакомцу, поощему ей

канцоны, и почему так не хочет прерывать свою связь с Альфредом бедная Виолетта.

Кроме Сергея Яковлевича, лично я не знала другого оперного певца, при сценическом общении с которым возникал бы такой эмоциональный контакт. Его вера в подлинность происходящего на сцене передавалась и мне, и поэтому играть и петь с таким партнером было не только легко, удобно, но и радостно.

Память о С. Я. Лемешеве, о незабываемых совместных спектаклях я навсегда сохранила в своем сердце.

Вера ФИРСОВА.

На снимках (слева, сверху вниз): Ленский («Евгений Онегин»), Герцог («Риголетто»), Байн («Руслан и Людмила»), Фра-Дьяволо («Фра-Дьяволо»); (справа, сверху вниз): Берендей («Снегурочка»), Вертер («Вертер»), Индийский гость («Садко»), Ромео («Ромео и Джульетта»),

Афанасий Иванович («Сорочинская ярмарка»); (внизу, слева направо): Синаodal («Демон»), Альфред («Травиата»), Владимир Дубровский («Дубровский»).

Зам. отв. редактора
Л. Л. СОЛОДОВНИКОВ.